

О. В. Борисова

Взаимоотношения церкви и Совета по делам Русской православной церкви в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1946–1961 годы

Статья посвящена церковной жизни в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в период 1946–1961 гг., влиянию на нее Совета по делам РПЦ и его уполномоченных на местах. В период притеснений церкви советской властью, переросших затем в открытые гонения, осуществлявшиеся в первую очередь через аппарат уполномоченных, в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1946–1960 гг. происходило возрождение церковной жизни. Это стало возможным благодаря бескомпромиссному служению подвижников веры, их верности Богу, твердой позиции правящего архиерея и единомысленного с ним духовенства и мирян.

ключевые слова: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, церковно-государственные отношения, Совет по делам Русской православной церкви, исповедники веры.

Создание в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви — структуры, контролирующей ее деятельность, — определило положение церкви в советском государстве, ее зависимость от власти на несколько десятилетий.

Рассматривая взаимоотношения уполномоченных и церкви в 1946–1961 гг. и их влияние на церковную жизнь в Ташкентской епархии, можно выделить три основных периода: 1946–1953 гг., 1953–1958 гг., 1959–1961 гг.

Нижняя граница первого периода определена началом активного восстановления церковной жизни при еп. Гурии (Егорове), возглавлявшем Ташкентскую кафедру с 1946 г.

Верхняя граница определена устранением от управления Ташкентской кафедрой в конце 1960 г. архиеп. Ермогена (Голу-

бева) и последовавшей за этим кампанией по разорению церковной жизни.

1946–1953 годы

В 1946 г. на Ташкентскую кафедру был поставлен архим. Гурий (Егоров) — человек подвижнической жизни, исповедник веры, один из создателей Александро-Невского братства.

Владыка Гурий направил все силы на восстановление церковной жизни. Уполномоченный по Узбекской республике М. Н. Тормашев сообщал, что «в своей деятельности епископ стремится создать обстановку процветания православной церкви» [*Квартальные отчеты 1950, л. 79*]. Начало управления епархией еп. Гурием совпало с наиболее спокойным периодом церковно-государственных отношений.

В 1943–1944 гг. в Средней Азии, как и повсеместно, началось восстановление церковной жизни благодаря так называемому «новому курсу» отношений власти и церкви. В первые послевоенные годы в Ташкентской и Среднеазиатской епархии царил религиозный подъем. Богослужения во вновь открытых храмах собирали тысячи молящихся. В 1947 г. уполномоченный сообщал:

В Александро-Невском храме Ташкента, где пасхальное богослужение возглавил владыка Гурий, особенно резко отмечался наплыв молящихся: площадка перед церковью, главные дороги в пределах кладбища были густо заполнены верующими до самых кладбищенских ворот» [*Квартальные отчеты 1947, л. 1*].

По сведениям уполномоченных, в 1948 г. в Ташкенте пасхальное богослужение в Александро-Невском храме собрало 40 тысяч человек, в Свято-Успенском кафедральном соборе — 20 тысяч человек [*Квартальные отчеты 1948, л. 21*].

Восстановление церковной жизни ставило перед вл. Гурием ряд первоочередных задач: открытие церквей и молитвенных домов, передача общинам церковных зданий, регистрация общин верующих. На все это требовалось разрешение властей в лице уполномоченных Совета. Документы архива уполномоченного первых послевоенных лет в среднеазиатских республиках показывают, что в эти годы уполномоченные видели свою задачу в содействии восстановлению церковной жизни. В Средней Азии, где существовало большое количество мусульманских общин

и различных сект, это представлялось им особенно важным: киргизский уполномоченный Я. И. Соловьев в 1944 г. писал: «Устраниться — значит лишить верующих права удовлетворять свои религиозные потребности легально и тем самым способствовать широкому развитию сектантских групп» [*Информотчеты 1945, л. 6 об*]. Уполномоченные контролировали ситуацию, руководствуясь тем, что отношения между церковью и государством должны регулироваться законом.

Процедура регистрации общин занимала в среднем две-три недели, причем уполномоченные прикладывали усилия, чтобы регистрация не затягивалась [*Информотчеты 1945, л. 68–109*]. Из документов видно, что в случаях, когда районные или областные партийные структуры препятствовали решению вопроса, уполномоченные способствовали скорейшему положительному решению, вплоть до обращения к руководству Совета.

В отчете патриарху Алексию I (Симанскому) за 1947 г. владыка Гурий писал, что считает «открытие новых приходов, получение от государства церковных зданий... важнейшими событиями в жизни епархии» [*Квартальные отчеты 1947, л. 32*]. Он сообщал, что «между епископом и уполномоченными все время был полный контакт и понимание, никаких несогласий и неодобрения со стороны уполномоченных не было проявлено» [*Квартальные отчеты 1947, л. 32*].

В 1948 г. политика государства в отношении церкви стала меняться. Началась новая волна закрытия храмов. С этого времени ходатайства верующих Ташкентской епархии о регистрации общин и молитвенных зданий не удовлетворялись. Под все большее влияние уполномоченных попадал вопрос регистрации духовенства.

Владыке Гурию, тем не менее, удавалось избегать закрытия действующих храмов и снятия общин с регистрации. Судя по всему, республиканские уполномоченные в этом вопросе не оказывали большого давления на архиерея, что, вероятно, послужило поводом к проверке их деятельности, в первую очередь узбекского уполномоченного А. И. Степанова. Работа Степанова была признана «неудовлетворительной», уполномоченного обвинили в «явном попустительстве и ошибочной линии» в вопросе открытия храмов и взаимодействия с представителями церкви [*Информотчеты 1949, л. 47*] и отстранили от должности.

Сведения, приводимые в отчете по результатам проверки, дают представление о динамике регистрации храмов и общин в Ташкентской епархии:

Меньше, чем за 3 года было открыто 92 % церквей и молитвенных домов, существовавших ранее. Из 23 поступивших за этот период ходатайств лишь 2 отклонены [*Информотчеты 1949, л. 37*].

Проверяющий — член Совета Сивко — обращал внимание, что

...это самый высокий процент подачи ходатайств по отношению к количеству имевшихся церквей и молитвенных домов, не идущий ни в какое сравнение с тем, что имеет место в центральных областях РСФСР. Столь высокая активность верующих в Узбекской ССР объясняется главным образом тем, что епархиальное управление (епископ) через духовенство проводило активную работу по организации верующих на подачу ходатайств об открытии церквей, при явном попустительстве и ошибочной линии, занятой в этом деле уполномоченным Совета [*Информотчеты 1949, л. 35*].

Действительно, первый уполномоченный по Узбекской ССР Степанов рассматривал деятельность вл. Гурия по «выявлению незарегистрированных действующих молитвенных домов» как «необходимое условие нормализации церковной жизни в епархии» [*Квартальные отчеты 1947, л. 30*], которой он должен содействовать.

Таким образом, период с 1946-го по 1948 г., когда власти практически не чинили препятствий, в Ташкентской епархии был использован наилучшим образом. За два года было открыто более 40 молитвенных зданий [*Сведения, л. 3*]. Церковная жизнь налаживалась и все больше привлекала верующих.

«Русская православная церковь, безусловно, оказывает еще большое влияние на часть населения, не освободившегося от религиозных предрассудков» [*Краткий доклад Гритчина, л. 8*], — сообщал уполномоченный Я. И. Гритчин.

1953–1958 годы

В 1953 г. еп. Гурий был переведен на Саратовскую кафедру. Ташкентскую и Среднеазиатскую кафедру возглавил еп. Ермоген (Голубев). Годы его руководства Ташкентской кафедрой стали временем расцвета духовной жизни в епархии, который происходил на фоне ужесточения церковно-государственных отношений, осуществляемых в первую очередь через Совет по делам РПЦ.

Приняв управление кафедрой, еп. Ермоген при первой же встрече с уполномоченными четко выразил свою позицию: все

внутрицерковные вопросы он будет решать сам. Руководствуясь действующим в Советском Союзе принципом отделения церкви от государства, он считал вмешательство властей во внутренние дела церкви неправомерным. Такая решительная позиция владыки сразу определила его как «нелояльного» и послужила началом конфликта между ним и уполномоченными.

Одним из главных поводов для конфликта стал «кадровый вопрос» назначения духовенства, который постепенно полностью перешел в ведение уполномоченных. Отец Павел Адельгейм, состоявший в то время в клире епархии, вспоминал¹:

Существовал жесткий порядок регистрации духовенства. Епископ должен был «согласовывать» кандидатуру священника с уполномоченным прежде его рукоположения и назначения. Это кажется невероятным, но архиепископ Ермоген не подчинялся этому порядку. Он сначала рукополагал священника, а затем с указом на руках посылал за регистрацией к уполномоченному.

Именно твердость позиции вл. Ермогена дала возможность собрать в Ташкентской епархии круг подвижников веры — людей, заинтересованных в возрождении церковной жизни. Этот круг составили в первую очередь члены общины оо. Алексия и Сергия Мечёвых: о. Борис Холчев, ставший ближайшим помощником владыки, о. Василий Евдокимов, о. Георгий Ивакин-Тревогин, принявшие священнический сан уже в Ташкентской епархии, о. Сергей Никитин (будущий епископ Стефан) и о. Феодор Семенов, рукоположенные тайно и вышедшие здесь на открытое служение, дьякон Алексей Шенрок, а также члены Александро-Невского братства: архим. Серафим (Суторихин) и другие. Все они прошли тюрьмы и лагеря за активную церковную деятельность.

Круг единомышленников из числа духовенства и мирян, собравшийся вокруг вл. Ермогена, являлся источником постоянной тревоги республиканских уполномоченных и причиной конфликтов с владыкой. Уполномоченный Гритчин докладывал в Совет о «нетерпимом поведении правящего архиерея архиепископа Ермогена, выразившемся в преднамеренном подборе, возведении в духовный сан и назначении в приходы в качестве настоятелей и др. церковно-должностных лиц из людей с тяжелым уголовным

1. Из беседы о. Павла Адельгейма с автором статьи. Аудиозапись. 2011. — Ред.

прошлым» [*Краткая спецзаписка, л. 1*]. «Такие “лица”, по словам самого Ермогена, являются для него особенно “желанными”, так как на них можно “вполне положиться” в том отношении, что они “искренне и с благоговением принимают духовный сан и при любых обстоятельствах не откажутся от него”. Знает Ермоген, что эти служители культа... будут держать верующих в постоянном религиозном напряжении...» [*Краткая спецзаписка, л. 1*].

Действительно, служение сподвижников вл. Ермогена быстро дало плоды: в храмах звучала проповедь, росли приходские общины, миряне активно участвовали в церковной жизни.

Так, например, с назначением в храм г. Ош в 1956 г. о. Василия Евдокимова, где находилась община, которая, как писал уполномоченный, «никак себя не проявляла», ситуация буквально «взрывается», община начинает стремительно расти. Уполномоченный объясняет это «особой активностью настоятеля церкви священника Евдокимова и его диакона Шенрок». «И надо сказать, стараются они небезуспешно, — сообщал уполномоченный. — Если до их появления в Оше в пасхальные праздники приток молящихся на церковных службах составлял 1100 человек, то в текущем году он достиг 2800» [*Письмо в Госплан, л. 42*]. Обращая внимание на то, что два человека, «эта святая пара», как он их называет, «смогли так активизировать общину» [*Письмо в Госплан, л. 42*], уполномоченный приводит их в пример.

Задачей уполномоченных было отстранение от служения священников, возгревающих церковную жизнь. «Важно, чтобы другие уполномоченные Совета не зарегистрировали их, а если регистрация уже произошла, то потребовали бы от Ермогена убрать их» [*Информотчет Гритчина, л. 32*], — писал уполномоченный Гритчин.

Владыка Ермоген сообщал о незаконных действиях уполномоченных патриарху Алексию, добивался приема у руководства Совета по делам РПЦ. В 1959 г., после разговора с руководством Совета, он писал уполномоченному Гритчину: «Руководством Совета было подтверждено... что вопрос назначений и перемещений духовных лиц Русской Православной Церкви внутри епархии является делом исключительно компетенции правящего Архиепископа и в функции Уполномоченного не входит» [*Краткая информзаписка, л. 9*].

Владыка Ермоген развернул строительство церковных зданий по всей епархии. Оно набрало такую мощь, что почти каждый год освящались новые храмы, проводились реконструкция и ремонт

действующих молитвенных зданий, о чем свидетельствуют многочисленные сводки уполномоченных.

Главным событием стало строительство Успенского кафедрального собора Ташкента, которое сам владыка Ермоген определил как «главное дело епархии» [*Доклад Ермогена, л. 3*]. Собор вместимостью 3 тысячи человек был освящен 4 сентября 1958 г. «при сослужении и присутствии почти всего духовенства епархии и представителей мирян от всех приходов при огромном стечении молящихся» [*Доклад Ермогена, л. 2*], — писал вл. Ермоген патриарху Алексию. 3 сентября 1958 г., накануне освящения собора, еп. Ермоген был возведен в сан архиепископа.

Масштабное строительство молитвенных зданий, и в первую очередь кафедрального Успенского собора в столице в то время, когда новая волна гонений на церковь набирала обороты, не могло остаться без серьезных последствий для вл. Ермогена.

1959–1961 годы

В январе 1959 г. в Москве состоялось инструктивное совещание республиканских уполномоченных, ставшее поворотным моментом в деятельности Совета. На совещании обсуждались новые задачи, стоящие перед Советом по делам РПЦ, в связи с курсом государства на уничтожение церкви.

Строительство собора в Ташкенте было отмечено как «особо вопиющий случай»:

В гор. Ташкенте, под видом капитального ремонта и архитектурного оформления Успенского собора, архиепископ Ермоген выстроил новый собор. Это произошло по причине плохого наблюдения за деятельностью церкви со стороны быв. Уполномоченного Совета т. Тормашева и Совета [*О Постановлении, л. 42*].

Тормашев был отстранен от должности.

Конец 1950-х гг. был ознаменован началом уже открытых гонений на церковь со стороны государства. Повсеместно храмы закрывались, общины разорялись, действия уполномоченных Совета по делам РПЦ, через который проводилась политика государства, становились все более жесткими. В Ташкентской епархии, благодаря твердой позиции вл. Ермогена, не было закрыто ни одного действующего храма вплоть до 1961 г. Причем вл. Ермогену удалось даже увеличить их количество. К 1959 г. оно достигло 68.

Очевидно, что власти предпочитали видеть на архиерейском месте человека более лояльного по отношению к ним. Началось открытое преследование архиеп. Ермогена, осуществлявшееся в первую очередь через аппарат уполномоченных. Владыка обвинялся в «противозаконной деятельности: самовольном строительстве церковных зданий, широкой благотворительной деятельности в целях большего привлечения людей в церковь» и т. д., что было квалифицировано как «нарушение принципов советского государства» [*Информотчет Вороничева, л. 5*].

Заместитель председателя Совета по делам РПЦ П. Г. Чередняк в 1958 г. писал азиатским уполномоченным:

Поведение Ермогена... обязывает нас активнее заняться изучением его деятельности. Совет поручает вам продумать и разработать мероприятия по сдерживанию активности Ермогена и выслать в Совет [*Письмо Чередняка, л. 8*].

Два года продолжалась кампания по устранению вл. Ермогена. «Деятельность русской церкви характеризуется... особой активностью правящего архиерея, членов его епархиального управления, “надежного” духовенства, церковных дельцов и фанатиков из самих прихожан» [*Краткая спецзаписка, л. 16*], — сообщал уполномоченный Киргизии Гритчин. Поведение вл. Ермогена он определил как «нетерпимое» и предложил «снять с поста правящего архиерея» [*Краткая спецзаписка, л. 4*].

Уполномоченным по Узбекистану Вороничевым также была составлена записка с обвинениями против архиеп. Ермогена:

Не довольствуясь ролью, которая определена советским государством церкви, Ермоген в своей деятельности грубо попирает социалистическую законность. Будучи приверженцем врага советского строя — бывшего патриарха Тихона, этот прожженный церковник стремится крестом и рублем укрепить устои РПЦ [*Информотчет Вороничева, л. 21*].

15 сентября 1960 г. архиеп. Ермоген был отстранен от управления Ташкентской и Среднеазиатской епархией, подвергнут домашнему аресту и в 24 часа выслан из Ташкента.

Удаление с кафедры вл. Ермогена давало властям бóльшую свободу действий. В течение года было закрыто 14 храмов. Была организована кампания по дискредитации и вытеснению из епархии всех его сподвижников. Общины разорялись и снима-

лись с регистрации. Церковная жизнь в Ташкентской епархии замерла на десятилетия...

Итак, вся церковная деятельность в рассматриваемый период контролировалась Советом по делам РПЦ, представителями которого на местах были республиканские уполномоченные. Их деятельность осуществлялась в соответствии с директивами Совета, которые, в свою очередь, являлись выражением политики власти по отношению к церкви.

В период с 1946-го по 1960 гг. Ташкентскую и Среднеазиатскую кафедру возглавляли еп. Гурий (Егоров) и архиеп. Ермоген (Голубев) — подвижники христианской жизни, исповедники веры, направившие все свои силы на возрождение духовной жизни в епархии. Их усилиями был собран круг просвещенного, ответственного духовенства, разделявшего церковные взгляды архиереев. В основном его составили исповедники веры, члены православных братств и общин, священники и миряне, по зову своих пастырей приехавшие в Среднюю Азию. Результатом деятельного служения духовенства стало восстановление качественного богослужения и проповедничества, собрание и укрепление приходских общин.

Таким образом, несмотря на внешние притеснения со стороны советской власти, переросшие в открытые гонения, осуществлявшиеся в первую очередь через аппарат уполномоченных, в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1946–1960 гг. происходило возрождение церковной жизни. Это оказалось возможным благодаря бескомпромиссному служению подвижников веры, их верности Богу, твердой позиции правящего архиерея и единомысленного с ним духовенства, а также мирян, отстаивающих церковную жизнь в союзе с духовенством.

Источники

1. *Доклад Ермогена* = Доклад Ермогена, епископа Ташкентского и Среднеазиатского, Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию о состоянии Среднеазиатской епархии за 1958 г. ТЕУ. Оп. 1. Д. 66.
2. *Информотчет Вороничева* = Информотчет уполномоченного по Узбекской ССР Н. Ф. Вороничева, 1960 г. ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 300.
3. *Информотчет Гритчина* = Информотчет уполномоченного по Киргизии Я. И. Гритчина за 1958 г. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 1. Ед. хр. 30.

4. *Информотчеты 1945* = Информационные отчеты уполномоченных по РСФСР за 1 квартал 1945 г. Т. II. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 35.
5. *Информотчеты 1949* = Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Узбекской ССР и переписка с ним за 1949 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 567.
6. *Квартальные отчеты 1947* = Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Узбекской ССР и переписка с ним за 1947 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 266.
7. *Квартальные отчеты 1948* = Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Узбекской ССР и переписка с ним за 1948 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 409.
8. *Квартальные отчеты 1950* = Квартальные информационные отчеты уполномоченного по Узбекской ССР и переписка с ним за 1950 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 716.
9. *Краткая информзаписка* = Краткая информзаписка уполномоченного Киргизской ССР Гритчина в Отдел пропаганды и агитации при ЦК КП Киргизии от 22 октября 1959 г. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 2. Ед. хр. 46.
10. *Краткая спецзаписка* = Краткая спецзаписка уполномоченного по Киргизской ССР Я. И. Гритчина председателю Совета по делам РПЦ В. А. Куроедову от 19.07.1960. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 1. Ед. хр. 32.
11. *Краткий доклад Гритчина* = Краткий доклад уполномоченного по Киргизской ССР Я. И. Гритчина председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову за II и III кв. 1953 г. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 1. Ед. хр. 16.
12. *О Постановлении* = О Постановлении ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О докладной записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды» и задачи Совета по делам русской православной церкви : Доклад, прочитанный членом Совета т. Савенковым И. И. на инструктивном совещании уполномоченных 20 января 1959 г. в Москве. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 1. Ед. хр. 31.
13. *Письмо в Госплан* = Письмо уполномоченного по Киргизской ССР Я. И. Гритчина председателю Госплана Совмина Киргизской ССР Павленко В. Ф. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 2. Ед. хр. 43.
14. *Сведения* = Статистические сведения о количестве действующих церквей, молитвенных домов, монастырей, духовенства, церковнослужителей, монашествующих, духовных учебных заведений и слушателей в них, ходатайство верующих об открытии церквей и молитвенных зданий по состоянию на 1 января 1948 г. : Диаграммы. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 270.

15. *Письмо Чередняка* = Письмо зам. председателя Совета П. Г. Чередняка уполномоченному Я. И. Гритчину от 20 августа 1958 г. ЦГА Кр. Ф. 1631. Оп. 1. Ед. хр. 29.

Список сокращений

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ТЕУ	Архив Ташкентского Епархиального управления
ЦГА Кр	Центральный государственный архив Кыргызской республики
ЦГА РУз	Центральный государственный архив республики Узбекистан

O. V. Borisova

Relations between the Church and the Council for the Russian Orthodox Church Affairs in the Tashkent and Central Asian Diocese in 1946–1961

The article is focused on the church life in the Tashkent and Central Asian diocese in 1946–1961, namely on how it was influenced by the Council for the Russian Orthodox Church Affairs and its appointed commissioners at the local level. In 1946–1960, when the church was oppressed and later openly persecuted by Soviet power, primarily through the appointed commissioners, the church life in the Tashkent and Central Asian diocese went through the period of revival. This became possible due to the uncompromising ministry of the devotees of faith, their loyalty to God and the firm position of the ruling bishop and the like-minded clergy and laity.

KEYWORDS: Tashkent and Central Asian diocese, church-state relations, Council for the Russian Orthodox Church Affairs, confessors of faith.